

© 2010 г.

О.А. РЖЕШЕВСКИЙ

ПЕРЕД ВЕЛИКИМ ИСПЫТАНИЕМ

9 мая 1945 г. в ознаменование победы над Германией столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского флота, одержавшим эту блестящую победу, – 30 артиллерийскими залпами из 1000 орудий. Газета “Известия” торжественно сообщала: “Сегодня Красная Армия вручает советскому народу самую великую в истории победу. Прими, героический советский народ, ты заслужил ее с честью и славой! В ней твой многолетний труд, в ней четыре года твоих самоотверженных усилий и лишений, в ней плод твоих воли, бесстрашия, мужества, в ней награда за горечь утрат и разрушений. Ты добыл ее в трудах и крови. Пусть радость придет в твое сердце: правое наше дело восторжествовало! Навеки веков великий этот день войдет в историю. Отныне 9 мая для всех поколений станет днем всенародного торжества – Праздником Победы”.

В обращении к читателям книги “Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия”, изданной Институтом всеобщей истории РАН к 65-летию Победы, Президент России Д.А. Медведев подчеркнул историческое значение уроков и нашей памяти о драматических, судьбоносных для всего мира событиях, “о подвигах наших отцов и дедов, отстаивавших независимость Родины и спасших Европу от нацизма”¹.

Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящена огромная литература, число изданий которой непрерывно возрастает. Повышенный интерес общественности к событиям войны, острота дискуссий, в том числе в средствах массовой информации, во многом отражают процесс глубоких перемен в стране и ее положении в мире.

По мере приближения 70-летия начала Второй мировой войны центр дискуссии переместился на период от мюнхенского соглашения до нападения Германии на СССР. Объектами особого внимания и в России и на Западе вновь оказались советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., предыстория нападения Германии на СССР, советская внешняя и военная политика данного периода в целом. При этом фальсификация истории советско-германского договора впервые была возведена усилиями Евросоюза на межпарламентский, а по существу на государственный уровень.

Имеется в виду принятая 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, смысл и суть которой заключается в обвинении России, в то время Советского Союза, как соучастника совместно с нацистской Германией развязывания Второй мировой войны. Сразу скажем, что авторам резолюции не откажешь в словесной “изысканности”. 19 пунктов резолюции содержат пространные рассуждения о равнозначности нацизма и сталинизма, призыв объявить 23 августа днем памяти их жертв, двусмысленное “напоминание” о Холокосте, ссылки на Заключительный акт Совещания

Ржешевский Олег Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. Отв. ред. академик А.О. Чубарьян. М., 2010, с. 3.

ния по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в 1975 г. в Хельсинки, другие документы, но всё это служит камуфляжем названной ранее цели резолюции. Она призывает к воссоединению разделенной Европы, но на деле дискредитирует и отчуждает Россию, сея недоверие и ксенофобию между народами.

Резолюция ОБСЕ “является прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от Холокоста, от газовых камер и концлагерей за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе”, – говорится в совместном заявлении, принятом Советом Федерации и Государственной Думой 7 июля с.г.²

Одна из причин появления резолюции ОБСЕ вызвана, на наш взгляд, открытием в России в последние годы крупных массивов документов, относящихся к событиям 1939–1941 гг. Только Министерством иностранных дел опубликовано более 1600 в большинстве своем ранее неизвестных документов, относящихся к этому периоду. Многие тысячи томов документов рассекречены в Центральном Архиве Министерства обороны, других архивах и частично опубликованы в академических изданиях³. Эти материалы подтверждают, что, несмотря на просчеты и ошибки, советская внешняя политика со времени прихода Гитлера к власти и до нападения нацистской Германии на СССР была направлена на создание системы коллективной безопасности, союза государств и народов для борьбы с фашистской агрессией. В то же время документы неопровержимо показывают (как и ранее опубликованный “Архив Дирксена”), что целью западных демократий было не только избежать вовлечения в войну, но и, способствуя вооружению Германии, направить ее агрессию против СССР. Антикommунизм был ширмой, которая прикрывала борьбу между Англией и Францией с одной стороны, Германией и Италией с другой за господство над Европой. Эти цели имперской политики западных держав, теперь уже документально подтвержденные, и вызвали появление “защитного противовеса” в виде “пунктов” резолюции ОБСЕ. События, которые привели ко Второй мировой войне, сводятся методом вычленения к советско-германскому договору о ненападении. Оценка конкретной исторической обстановки, которая диктовала СССР необходимость принятия неотложных решений для обеспечения собственной безопасности в условиях международной изоляции, отсутствует. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала, подтвержденные ООН, и приговор немецким военным преступникам, осужденным за агрессию против СССР и других стран, игнорируются.

В 90-х годах в России звучала версия о “превентивном” нападении Германии на СССР, что связано с изданием книг получившего убежище в Англии беглого советского разведчика В.Б. Резуна “Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну”, «День “М”», которые он опубликовал под псевдонимом “Суворов”. Напомним заявленную цель его книг: «Вторая мировая война – это термин, который коммунисты приучили нас писать с малой буквы. А я пишу этот термин с большой буквы и доказываю, что Советский Союз – главный ее виновник и главный зачинщик... Коммунисты сочинили легенду о том, что на нас напали и с того момента началась “великая отечественная война”. Эту легенду я вышибаю из под ног, как палач вышибает табуретку»⁴. Историкам же хорошо известно, что версия Суворова заимствована из заявления Гитлера 22 июня

² Российская газета, 8.VII.2009.

³ Документы внешней политики (далее – ДВП), т. 22. 1939 год, кн. 1–2. М., 1992; ДВП, т. 23. 1940 – 22 июня 1941 г., кн. 1–2. М., 1995, 1998; 1941 год. Документы, кн. 1–2. М., 1998; Мировые войны XX века, кн. 4. М., 2005; Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. кн. 1–2, ч. 1–3. Отв. ред. академик А.О. Чубарьян. М., 2006, 2009; Москва – Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля 1921–1941. Сб. док. Отв. ред. академик Г.Н. Севостьянов, т. 3. 1933–1941. М., 2009; Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР – Германия 1933–1941. М., 2009; “Завтра может быть поздно...” Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009.

⁴ *Суворов В.* Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992, с. 5 и др.

1941 г., в котором он таким образом оправдывал вероломное нападение Германии на СССР⁵. “Тиражированные в миллионах экземпляров и вызывающие отторжение в отечественной науке и общественном мнении”, как отмечает академик А.О. Чубарьян⁶, эти книги потребовали немалых усилий, чтобы преодолеть раздутую вокруг них кампанию. Недавно появилась книга “Правда Виктора Суворова. Окончательное решение”, в которой его версия объявляется полностью доказанной. Аргумент один: ее “правильность” подтвердили “П. Бобылёв, Т. Бушуева, В. Данилов, В. Киселёв, М. Мельтюхов, В. Невежин, И. Павлова, М. Солонин, Ю. Фельштинский”. Одна из глав книги написана д.и.н. Д.Г. Наджафовым и содержит критику труда видного западного историка Г. Городецкого «Миф “Ледокола”», в котором говорится: «История Великой Отечественной войны, ставшей неприкосновенной святыней, оказалась последней из того, что было подвергнуто пересмотру после распада Советского Союза. Было бы, разумеется, более правильно с точки зрения нравственности, если бы мертвых оставили в покое и какое-то время не тревожили память о Великой Отечественной войне. К сожалению, однако, бурный переходный период породил поколение иконоборцев – ниспровергателей мифов. Результатом их действий становится столь же искаженная и политизированная версия истории Великой Отечественной войны. Бывшие “белые пятна” ныне заполняются набором лжи, тенденциозными подборками фактов, которые общественность склонна принимать за истину»⁷. Труд Г. Гороцкого объявляется «ремейком сталинских “Фальсификаторов истории”»⁸.

Предварительно заметим, что фамилии “единомышленников” в подобного рода литературе подбираются весьма произвольно. В то же время достоверные свидетельства вновь и вновь опровергают версию Суворова. Посол США в Москве Л. Штейнгардт телеграфировал 17 июня 1941 г. в Вашингтон: “Я считаю, что вся политика Советского Союза в течение последних месяцев была сосредоточена на том, чтобы избежать нападения Германии”⁹. Л. Штейнгардт видел и понимал, что происходило в действительности. Ныне документы подтверждают, что в разработанных Генеральным штабом и официально утвержденных планах на случай войны с Германией (“Соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил”) предусматривались только ответные боевые действия с последующим перенесением их на территорию противника.

Восстановим кратко историческую обстановку и советскую политику рассматриваемого периода. Это необходимо по той причине, что германское направление в данный период было не единственным по своему значению, на что обращается еще недостаточное внимание в нашей научной литературе.

* * *

Возникновение войн – это всегда исторический процесс, своими корнями уходящий в близкое или далекое прошлое. Геополитические итоги Первой мировой войны: распад некогда могущественных империй, возникновение целого ряда новых государств, перекройка границ, продиктованная Версальским договором и решениями Парижской мирной конференции (в Европе это произошло в первую очередь за счет Австро-Венгрии, Германии и России), привели к переделу мира в пользу англо-французской коалиции, к которой присоединились в 1917 г. США, и в то же время заложили основы еще более глубоких противоречий в международных отношениях. Борьба за региональное и мировое господство во многом определила в последующее двадцатилетие международные отношения в Европе и мире. Именно в геополитических кате-

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки, кн. 1. М., 1998, с. 134.

⁶ Чубарьян А.О. XX век. Взгляд историка. М., 2009, с. 28.

⁷ Городецкий Г. Миф “Ледокола”. Накануне войны. М., 1995, с. 3.

⁸ Правда Виктора Суворова. Окончательное решение. М., 2009, с. 33 и др.

⁹ Москва – Вашингтон ..., с. 718.

горяих заявляли о своих целях лидеры стран, развязавших Вторую мировую войну. Гитлер еще в 1925 г. в своей книге “Майн кампф” провозгласил “дранг нах остен” Германии к “необъятным просторам России”. В расистских теориях это преломлялось в характеристиках евреев и славян, некоторых других народностей как “недочеловеков”, подлежащих беспощадной эксплуатации или уничтожению. Геополитические цели Японии были сформулированы в 1927 г. в представленном императору меморандуме генерала Г. Танака – завоевать земли от Китая до Европы¹⁰. Муссолини в 1939 г. назвал Италию “узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье”, и призвал двигаться через Судан к Индийскому океану. Ряд малых стран, в том числе появившихся на политической карте после Первой мировой войны, ориентируясь на великие державы или подчиняясь их давлению, подливали масла в огонь, рассчитывая не только обеспечить безопасность своих границ, но и преследовали более амбициозные территориальные цели, как это, к примеру, имело место в случае с Польшей, а затем с Венгрией, Румынией и Финляндией. Принцип неделимости мира так и не утвердился. Насильственный передел его границ и географического пространства, как показала история XX в., неизбежно обострял национальные, этнические, религиозные и другие конфликты, в отдельности или в совокупности ведущие к дестабилизации целых регионов, а нередко и к войнам, связанным с интересами великих держав, их скрытого или прямого вмешательства в дела других государств.

Империализм как система, в недрах которой возникла Первая мировая война, порождал всё новые противоречия в экономической сфере. Неравномерность экономического развития и имперские амбиции привели в середине 30-х годов к расколу капиталистического мира. В одну из враждовавших между собой сил вошли Германия, Италия и Япония, в другую – Англия, Франция и США. Военная опасность усилилась, когда в Германии была установлена нацистская диктатура. Англия и Франция предприняли усилия отвести от своих стран угрозу германской агрессии, направить ее против СССР (политика умиротворения), что явилось одной из причин неудачи создания в то время антигитлеровской коалиции с участием СССР (политика коллективной безопасности). США в межвоенные годы не играли решающей роли в европейских делах. С приходом Гитлера к власти в Германии США начали поддерживать политику Англии и Франции, в 1933 г. установили дипломатические отношения с СССР. Основное внимание США было приковано к борьбе с милитаристской Японией за сферы влияния на азиатско-тихоокеанском театре. Тем временем в Европе гонка вооружений, милитаризация общественной жизни, которыми открыли историю XX в. великие державы, принимали беспрецедентные масштабы.

Расстановка сил на международной арене после Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. особенно неблагоприятно складывалась для Советской России. Если на протяжении своей предыдущей истории Россия была вынуждена вести войны (в большинстве своем оборонительные) против одной или нескольких великих держав, то в межвоенный период впервые возникла реальная угроза их совместного похода против СССР. Страна оказалась в положении осажденной крепости, и важнейшая задача советской внешней политики состояла в том, чтобы разобщить могущественных противников, найти союзников, не допустить или максимально отдалить втягивание страны в войну.

* * *

1939 г. мир встречал новыми тревогами. Сполохи военного пожара разгорались с начала 30-х годов – захват Японией Маньчжурии в 1931 г. и вторжение в Центральный Китай в 1937 г, захват Италией Эфиопии в 1935 г., итало-германская интервенция

¹⁰ Достоверность меморандума Танака ставится под сомнение некоторыми авторами, но в любом случае дальнейшее развитие японской экспансии совпадало с изложенными в нем планами (см.: *Черевко К.Е., Кириченко А.А.* Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006, с. 10–21).

в Испании в 1936–1939 гг., аншлюс (“присоединение”) Германией Австрии в марте 1938 г. Под занавес 1938 г., в ночь на 30 сентября главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Германии (А. Гитлер), Италии (Б. Муссолини) и Франции (Э. Даладье) было заключено в Мюнхене соглашение, которое изменило соотношение сил в Европе и в конечном итоге привело ко Второй мировой войне.

Соглашение предписывало Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около 1/5 своей территории. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение к этим требованиям правительства Чехословакии во внимание не принималось. Ее представителей даже не пригласили в зал заседаний. Лига Наций бездействовала.

Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии агрессивными диктаторскими режимами Германии и Италии и западными демократиями. В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, которые по сути дела являлись пактами о ненападении.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которой составили советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи (1935). Предпринятые Советским Союзом действия в поддержку Чехословакии (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши) успеха не имели. Вместе с тем есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии – она капитулировала в условиях диктата. Оценивая эти события, виднейший британский историк Б. Лиддел Гарт сделал следующий вывод: «Предложение русских (об оказании помощи Чехословакии. – *О.Р.*) было игнорировано. Более того, Россию демонстративно лишили участия в Мюнхенском совещании, на котором решалась судьба Чехословакии. Это “пренебрежение” год спустя имело фатальные последствия»¹¹.

Англия и Франция, с одной стороны, Германия и Италия – с другой преследовали в Мюнхене различные цели. Для Германии это был промежуточный маневр к захвату всей Чехословакии и движения на восток, Италия обретала уверенность в осуществлении при поддержке Германией ее колониальных планов. Англия и Франция рассчитывали ценой территориальных уступок в Европе умиротворить нацистскую Германию, ослабить заряд ее агрессивной политики, нацеленной на западные демократии и направить его против СССР – в последнем цели тех, кто подписывал мюнхенское соглашение, совпадали. Это была дорога в бездну.

События в Европе приобрели еще более угрожающий характер. 15 марта 1939 г. германские войска, в нарушение мюнхенского соглашения вступили в Прагу. За день до этого по указке из Берлина была провозглашена “независимость” Словакии. Соучастниками раздела Чехословакии стали Венгрия и Польша. Польша оккупировала Тешинскую Силезию, Венгрия – южные районы Словакии, Закарпатскую Украину. Чехословакия как государство перестало существовать. 22 марта Германия ввела войска в Клайпеду (Мемель) – ранее немецкий город и порт, переданный Лигой Наций в 1923 г. Литве. 7 апреля Италия оккупировала Албанию. Двумя месяцами раньше Германия “в услугу за услугу” потребовала от Польши возвратить город и порт Данциг, который до “приговора в Версале” также являлся германской территорией, предъявила Польше другие требования. На самом деле Данциг был очередным звеном в агрессивных планах Германии, поводом для нападения на Польшу. Выступая на совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 г. Гитлер говорил: “Данциг – отнюдь не объект, из-за которого всё предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке”¹².

¹¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976, с. 23.

¹² Мировые войны XX века, кн. 4. М., 2005, с. 65.

11 марта Англия, а затем Франция объявили о своих собственных гарантиях Польше. 11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования и демонстративную поддержку ее Англией и Францией, утвердил план “Вайс” – план войны с Польшей. Был установлен срок готовности к войне – 1 сентября 1939 г.¹³ Так впервые в немецких документах появилась дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

Напомним, что к этому времени была достигнута предварительная договоренность о заключении военного союза между Германией, Италией и Японией. Дальнейшие события в Азии не заставили себя ждать. Японские милитаристы, несмотря на неудачу своей военной провокации у озера Хасан, развернули в мае 1939 г. войну против дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Боевые действия группы советско-монгольских войск, которыми командовал комкор Г.К. Жуков, завершились в сентябре разгромом японской 6-й армии¹⁴. Но очевидной стала реальная военная угроза нашей стране как на Западе, так и на Востоке.

Период марта–августа 1939 г. – это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленных на поиски союзников и разобщение противников. Многосторонние и двусторонние переговоры велись между Англией и Германией; Англией и Францией; Англией, Францией и Германией с Советским Союзом; ими вместе и в отдельности с малыми и средними странами Европы; между Германией, Италией и Японией; между Японией и Советским Союзом и т.д. Их результаты определили расстановку сил к началу Второй мировой войны и во многом к нападению Германии на СССР и Японии на США в 1941 г.¹⁵

* * *

С развитием международного политического кризиса, который последовал за заключением мюнхенского соглашения, захватом Германией Чехословакии и нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику определились два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Одна из особенностей создавшегося положения состояла в том, что каждая из империалистических группировок стремилась вовлечь СССР в надвигающуюся войну, подставить его под удар, прикрываясь готовностью к переговорам. Первый демонстративный шаг предприняла Германия. На новогоднем приеме в наступившем 1939 г. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А.Ф. Меркалову. Как сенсация было расценено первое за всю историю появление в марте в советском посольстве в Лондоне премьер-министра Н. Чемберлена. Французский премьер Э. Даладье провел несколько встреч с советским послом Я.З. Сурицем.

СССР, естественно, был заинтересован в заключении политического и военного союза с западными демократиями и вступил с ними в апреле 1939 г. в политические переговоры. Инициативу проявила Великобритания, которая как и Франция после захвата Германией Чехословакии пока еще смутно, но опасалась, что нацистская Германия может “поменять расписание” и следующий удар направить не на Восток, а на Запад. Начались англо-франко-советские (московские) переговоры, важнейшей частью которых явились военные переговоры (12–22 августа 1939 г.). Как показали последующие события, это была последняя возможность предотвратить Вторую мировую войну.

Британскую делегацию возглавлял адъютант короля адмирал Р. Дракс, французскую – член Военного Совета генерал Ж. Думенк, советскую – нарком обороны маршал

¹³ “Завтра может быть уже поздно...”, с. 376.

¹⁴ Координация действий советских и монгольских войск возлагалась на фронтовое управление, которым руководил командарм 2 ранга Г.М. Штерн. Монгольскими войсками командовал маршал МНР Х. Чойбалсан.

¹⁵ Подробнее см.: Мировые войны XX века, кн. 3. М., 2005, с. 16–76.

К.Е. Ворошилов. В хранящейся в архиве МИД РФ инструкции советской делегации, записанной маршалом предположительно под диктовку И.В. Сталина, указывалось вести переговоры с целью заключения военной конвенции, но при условии практического согласования конкретных и действенных мер, направленных на обеспечение взаимной безопасности в случае германской агрессии. Принципиальным в инструкции был вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши и Румынии, иначе “оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал” – германские армии беспрепятственно могли выйти к советским границам. Московским переговорам посвящена обширная литература. Выделим следующее: в Москве было известно, что в ближайшие дни Германия начнет войну с Польшей и намеревается разгромить ее в течение двух недель. Разведка также сообщала, что Чемберлен выступает противником какого-либо обязывающего договора с СССР. Было известно и то, что в Великобритании активизируются влиятельные антинацистские силы в лице У. Черчилля и его окружения. Советская дипломатия также рассчитывала на косвенную поддержку своей позиции президентом США Ф.Д. Рузвельтом, который не всегда последовательно, но выступал с осуждением действий агрессоров. На одном из секретных совещаний он положительно оценил советскую политику в период гражданской войны в Испании и высказался за помощь нашей стране в случае нападения Германии. Но Черчилль еще не входил в состав правительства, а политика США на европейском направлении после “присоединения” гитлеровцами Австрии и захвата Чехословакии только прояснялась.

Московские переговоры буксовали. Тем временем вновь инициативу проявила Германия, с которой СССР, вслед за Англией также вступил в переговоры. В результате приобрела реальные очертания возможность заключения с Германией пакта о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на восток.

Переговоры с англичанами и французами зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае агрессии. Рассекреченные французские документы фиксируют ход переговоров день за днем. 17 августа глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: “Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения”. 20 августа он информировал свое руководство: “Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позиции”¹⁶. В тот же день министр иностранных дел Польши Ю. Бек, передоверившись британским гарантиям, телеграфировал своему послу во Франции Ю. Лукасевичу: “Польшу с Советским Союзом не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такого договора заключать не собирается”¹⁷. В своей книге “За закрытыми дверями” британский автор Л. Риз, изучавший документы о московских переговорах, заключил, что делегация во главе с Р. Драксом следовала “самоубийственной тактике” – вообще не отвечать на вопросы, касающиеся Польши. “Когда советский маршал Ворошилов 14 августа напрямую поставил вопрос о допуске Красной Армии на территорию Польши для борьбы с нацистами, делегация союзников оставила вопрос без ответа”¹⁸. Одной из неиспользованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через ее территории в случае нападения Германии.

Развязка приближалась. Вечером 21 августа Ж. Думенк получил в Москве следующую телеграмму: “По распоряжению Председателя Совета министров генерал Думенк уполномочивается подписать в общих интересах и с согласия посла военную

¹⁶ *Documentes diplomatiques française* (далее DDF). 2e Serie, t. XVIII. Paris, 1984, p. 127, 212. Подробнее см.: 1939 год. Уроки истории. М., 1990, с. 298–318.

¹⁷ Год кризиса. 1938–1939, т. II. М., 1990, с. 294. Подробнее см.: Секреты польской политики 1935–1945. Сб. док. Сост. Л.Ф. Соцков. М., 2009.

¹⁸ *Rees L. Behind Closed Doors*. London, 2008, p. 15.

конвенцию. Гамелен¹⁹ – германская агрессия на западе в первую очередь угрожала Франции. 22 августа Думенк сообщил о телеграмме Гамелена Ворошилову. Но Лондон хранил молчание.

Газеты сообщали, что Чемберлен ловил рыбу, а Галифакс охотился на уток. Позднее из британских источников стало известно, что на 23 августа был согласован прилет Геринга в Великобританию для встречи с Чемберленом и “урегулирования разногласий” на англо-германских переговорах²⁰. Тайну подготовки переговоров хранят британские архивы.

Американские историки А. Рид и Д. Фишер пишут о драматических событиях на тройственных переговорах в августе 1939 г.: “Англия и Франция в последнюю минуту могли одуматься, Польша – понять, каково реальное положение дел, а германское предложение – рухнуть. Сталин оставлял обе двери открытыми. Однако постепенно приоритеты изменились в пользу Германии, союзникам была отведена вторая позиция”²¹.

Как и в Первой мировой войне, всё решилось “в последний час”. Получив от Сталина согласие на подписание договора о ненападении Гитлер направил в указанный ему срок 23 августа министра иностранных дел Германии в Москву. В ночь на 24 августа в Кремле договор (пакт Молотова – Риббентропа) был подписан. Это вынужденное политическое решение на какое-то время гарантировало страну от войны с Германией, с ее реальными и потенциальными союзниками. Германия при нападении на Польшу избавлялась от угрозы войны на два фронта и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции, но в последнем просчиталась. 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили Германии войну.

Секретный протокол и последующие договоренности с Германией предусматривали раздел “сфер интересов” между Германией и СССР и являлись важной составной частью подписанных документов. К “сфере интересов” СССР относились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, восточная часть Польши (Западная Белоруссия и Западная Украина), Бессарабия. Всё это были государства или территории, входившие в состав России, отторгнутые у нее после Первой мировой войны по результатам Версальского мира или путем прямых аннексий. Граница сферы советских интересов неформально признавалась Германией максимальным рубежом продвижения своих войск на восток. Отметим, что секретные протоколы к договорам – обычная практика того времени и не только.

25 августа 1939 г. в Лондоне было подписано англо-польское соглашение о взаимопомощи. Оно предполагало, что помощь Польше будет оказана немедленно. В секретном протоколе к соглашению определялись государства или территории, которые входили в сферу интересов сторон: Бельгия, Голландия, Данциг и Литва. Упоминались также Латвия, Румыния и Венгрия²².

Оценивая преимущества и издержки для нашей страны советско-германских договоренностей о разделе “сфер интересов” необходимо иметь в виду следующее. Есть такое понятие в военной науке – геостратегическое пространство. В 1939–1940 гг. советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад обеспечивало возможности для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-финские войска начали бы наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие в 35 км от Минска, немецко-румынские в 45 км от Одессы и т.д. Ход войны показал, насколько важными оказались эти “километры”, чтобы выстоять в тяжелейшем 1941 г., особенно для обороны Ленинграда и Москвы.

¹⁹ DDF, t. XVIII, p. 232. М. Гамелен – начальник французского генерального штаба, генерал. Один из виновников поражения Франции в 1940 г.

²⁰ Мосли Л. Утраченное время. М., 1972, с. 305–307.

²¹ Read A., Fisher D. The Deadly Alliance: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939–1941. London, 1988, p. 115.

²² The Great Powers and Polish Question. London, 1976, p. 67–69.

Разнонаправленное, но немаловажное значение имело для каждой из сторон достигнутое соглашение по экономическим вопросам. Германия остро нуждалась в сырье. СССР – в современной технике и технологиях²³.

У. Черчилль писал по поводу советско-германского договора о ненападении: “Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным... Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий”²⁴.

Российские историки-ревизионисты, заимствуя распространяемую на западе негативную трактовку договора нередко “переписывают” свои собственные оценки. В.И. Дашичев в своем труде “Банкротство стратегии германского фашизма” (1973), приводит цитату, согласно которой советско-германский договор о ненападении “расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны страны”²⁵. В “переработанном и дополненном” издании 2005 г. договору дается иная оценка: “Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.” Автор также утверждает, что “крупной ошибкой Сталина было и то, что после разгрома Франции он не пошел в 1940–1941 гг. на поиски союза с Англией... Черчилль оказался намного умнее”²⁶. Эти утверждения также не соответствуют действительности.

Наступление немецких войск в Польше стремительно развивалось на восток. Располагая многократным превосходством над польской армией, особенно в танках и авиации, передовые части вермахта на восьмой день достигли дальних пригородов Варшавы.

В то же время на западном фронте, в тылу Германии, происходили труднообъяснимые события, получившие название “странной войны”. Армии Англии и Франции, имевшие превосходство над противником, фактически бездействовали. Англо-французские обязательства и заверения Польше перейти в решительное наступление на девятый, затем на пятнадцатый день войны (что подсказывал и здравый смысл) не выполнялись. Основные силы польских войск, несмотря на упорное сопротивление, были за две недели разгромлены. 17 сентября, когда Варшава еще оборонялась, правительство Польши покинуло пределы страны. В тот же день на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии вступили части Красной Армии.

Официальное и неофициальное осуждение ныне в Польше этого решения советского правительства, в том числе в резолюции Сейма 23 сентября 2009 г. “в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу” – тенденциозны и представлены вне контекста сложившейся военной обстановки: наступающие германские армии приближались к границам СССР. Немецкое командование нарушило согласованный рубеж предельного продвижения вермахта на восток и отвело за этот рубеж (демаркационную линию) свои войска только после категорического требования советского правительства. По свидетельству генерала вермахта Н. Формана, демарш Москвы помешал осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР²⁷. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине приняли решение об отводе немецких

²³ См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР – Германия 1933–1941. М., 2009, с. 253–324.

²⁴ Черчилль У. Вторая мировая война, т. I. М., 1955, с. 357, 358.

²⁵ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 1. М., 1973, с. 8.

²⁶ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе, т. 1. М., 2005, с. 12–13.

²⁷ История второй мировой войны 1939–1945, т. 3. М., 1974, с. 357.

войск на согласованный рубеж “днем позора немецкого политического руководства”²⁸.

Большинство населения Западной Украины и Западной Белоруссии встречали Красную Армию как освободительницу. В ноябре 1939 г. Западная Украина воссоединилась с Украинской ССР, Западная Белоруссия – с Белорусской ССР. Вильнюс с прилегающей областью, захваченные в 1920 г. Польшей, возвратили Литве. Границу СССР установили примерно по так называемой линии Керзона, рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши²⁹.

Важнейшая задача советской политики в тот период заключалась в том, чтобы не допустить одновременного выступления против СССР Германии и Японии, обезопасить свои границы на западе и на Дальнем Востоке. Ввод войск на территорию Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики осенью 1939 г. и в июне 1940 г. на территорию Бессарабии (аннексированную Румынией в 1918 г.) и Северной Буковины был осуществлен при отсутствии организованного вооруженного сопротивления. Но обезопасить путем договоренности границу на северо-западе не удалось, что привело к кратковременной и кровопролитной войне с Финляндией. Новая граница была установлена мирным договором 1940 г. на удалении до 150 км от Ленинграда³⁰.

Большим успехом советской политики, который был во многом обусловлен поражением японских войск на р. Халхин-Гол, явилось заключение 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете с Японией. Заслуга нашей дипломатии состояла в том, что она в ходе переговоров сумела использовать в интересах безопасности страны японо-американские противоречия, которые в тот период оказались сильнее. В дальнейшем это позволило Советскому Союзу избежать войны на два фронта.

* * *

В Москве ясно понимали, что несмотря на достигнутые договоренности, нападение Германии остается опаснейшей угрозой для страны и стремились с помощью далеко не всегда лучших решений и заявлений выиграть больше времени для укрепления обороны. Вместе с тем курс советской политики, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами, не снимался с повестки дня. Переговоры с Англией возобновились через неделю после подписания 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе.

1 октября 1939 г. У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр), выступая по радио, сделал важное заявление: “То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для

²⁸ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 1. М., 1968, с. 125.

²⁹ Украинский историк В. С. Макаруч, считая необоснованным осуждение секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении II Съездом народных депутатов СССР в 1989 г., отмечает: согласно международному праву протокол не может объявляться “недействительным с момента его подписания” и составлен так, что “формально не нарушал принятой на то время практики международно-правовых документов” (см.: Макаруч В. С. События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на “самопомощь”. – *Нарочницкая Н., Фалин В.* и др. *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну.* М., 2009, с. 208–240).

³⁰ Следует отвести как несостоятельную версию некоторых финских и отдельных отечественных историков о советских планах оккупации Финляндии, ликвидации ее независимости и включении в состав СССР. Так Л. П. Колодникова сообщает (без указания источника), что “с самого первого дня войны было четко сформулировано, когда взять Выборг, когда водрузить красный флаг над финским парламентом и когда выйти к шведской границе”. *Колодникова Л. П.* Советско-финляндская война: взгляд через 70 лет. – К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. М. 2009, с. 274. Член-корреспондент РАН А. Н. Сахаров в этой же книге утверждает, что “Советский Союз обеспечил себе свободу рук по захвату Финляндии” (с. 427). Эта версия опровергается официальными заявлениями советского правительства в период “зимней войны” (см. с. 28), самим ходом ее событий.

безопасности России. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который Германия не осмеливается напасть”. 6 октября он пригласил советского полпреда И.М. Майского и в ответ на его вопрос: “Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?”, сказал: “Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда”. Далее он разъяснил позицию британского правительства: “1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что Балтийские страны включаются в нашу (советскую), а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании”³¹. Так возобновились англо-советские переговоры, в ходе которых Англия стремилась “навести мосты”, а СССР – не сжигать их.

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов направил указание И.М. Майскому (оно “адресовано” и современным фальсификаторам истории. – *О.Р.*) следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн. марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запутать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый “переход СССР в лагерь Германии” для своих особых целей в области внутренней политики»³².

9 мая 1940 г. началось наступление вермахта на западном фронте, которое по своей силе, размаху, оперативному искусству и достигнутым результатам без преувеличения поразило мир. 22 июня, через 44 дня Франция капитулировала. Вместе с ней под пятой вермахта оказались Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург. Британский экспедиционный корпус, бросив тяжелое вооружение, едва успел с помощью своего флота переправиться из района Дюнкерка через Ла-Манш и укрыться на Британских островах. Правительство У. Черчилля (с 10 мая – премьер-министр) отклонило германские предложения о мирных переговорах, за которыми последовал “блиц” – немецкое воздушное наступление на Великобританию с целью “выбомбить” ее из войны. Но в “битве за Англию” немецкая авиация встретила решительный отпор британской противовоздушной обороны и в силу больших потерь, стойкости и мужества, проявленных населением страны, не достигла поставленной цели.

Для советского политического и военного руководства скоротечное поражение англо-французской коалиции явилось фактором стратегической внезапности, возросшей угрозы войны с Германией, которая начала переброску своих войск к советским границам. Встречи и беседы В.М. Молотова с Гитлером и его окружением 11–13 ноября 1940 г. в Берлине подтвердили наличие у Германии агрессивных замыслов, направленных против СССР. Тем временем в Великобритании под воздействием сложившейся обстановки настроения стали заметно меняться в пользу СССР как потенциального

³¹ Телеграмму И.М. Майского об этой беседе см. ДВП, т. 22, кн. 2. М., 1992, с. 167–169.

³² Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 059, оп. 1, п. 326, д. 13, л. 4; Вестник Архива Президента, с. 185–210.

союзника. И.М. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 г.: «Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса “в эту великую страну и пожелать ему успеха в его работе”. Со всех сторон (не только от лейбористской, но и с консервативной) раздались шумные одобрения, и все обернулось лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся со скамьи правительства и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовали ряд других министров, сидевших рядом»³³.

Новый британский посол С. Криппс добился 1 июля 1940 г. встречи со Сталиным и вручил ему послание Черчилля от 24 июня, в котором говорилось, что Германия угрожает Великобритании, а также Советскому Союзу и высказывалось пожелание о восстановлении “обеими нашими странами” их прежних связей³⁴. По итогам беседы, которая длилась около трех часов, Криппс, сообщая, что она проходила “в дружеской, предельно открытой атмосфере”, сделал вывод, что “русско-германское сотрудничество будет продолжаться” и выдвинул согласие Сталина на британское содействие в нормализации отношений с Турцией и решении проблемы Черноморских проливов³⁵. Послание Черчилля придало еще большую активность британской политике на советском направлении. Угроза вторжения на Британские острова, “битва за Англию”, возрастающее итало-немецкое давление на Балканах усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин Офис как неудовлетворявшую запросы Германии. В Москве понимали всю сложность дипломатической ситуации и, чтобы избежать обострения отношений с Германией, 13 июля информировали немецкого посла Ф. Шуленбурга о содержании переговоров между Криппсом и Сталиным. 17 июля о них было объявлено в Лондоне.

22 октября Криппс от имени Черчилля предложил подписать между Великобританией и СССР секретное соглашение, которое сближало политику двух стран, предусматривало признание de facto “власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находятся под советским главенством”³⁶. Советской дипломатии приходилось уклоняться под разными предлогами от “кардинальных” предложений английского правительства и в то же время не допускать ухудшения отношений с Великобританией как потенциальным союзником. Британские предложения были пока неприемлемы, поскольку соотношение сил в Европе в тот момент еще больше изменилось в пользу Германии. В Москве рассчитывали удержать ее от войны против СССР, надеялись на соблюдение ею пакта о ненападении. 24 февраля 1941 г. в ответ на предложение министра иностранных дел А. Идена приехать в Москву для встречи с И.В. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений, заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский сказал Криппсу: “Сейчас еще не настало время для решения больших вопросов”³⁷.

В.М. Молотов вспоминая об усилиях немецкой разведки выяснить содержание переговоров между Лондоном и Москвой, так охарактеризовал в беседе с писателем И.Ф. Стаднюком действия советского руководства: “Мы, несмотря на наш договор о

³³ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 326, д. 13, л. 44–53. См. также: Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943, кн. 2, ч. 1. М., 2009, с. 201.

³⁴ ДВП, т. 23, кн. 1. М., 1995, с. 399, 400.

³⁵ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War, v. I. London, 1970, p. 468–470.

³⁶ Подробнее см.: Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2009, с. 389 и далее.

³⁷ АВП РФ, ф. 059, п. 353, д. 2409, л. 54.

ненападении с Германией, не делали никаких заверений о нашем желании соблюдать нейтралитет, если она начнет агрессию против Англии..., а разговоры велись те, что нам было надо”³⁸.

3 апреля Черчилль направил Сталину послание, в котором сообщил о растущей угрозе нападения Германии на СССР³⁹. Послание Черчилля, в котором подтверждались сведения советской разведки о сосредоточении немецких войск у наших границ, могло стать поводом для письма Сталина, направленного, по некоторым данным, Гитлеру с запросом о причинах создавшегося положения и целях этого сосредоточения войск вермахта. Советский руководитель сообщил фюреру, что у него сложилось впечатление о подготовке Германии к нападению на СССР. В ответ Гитлер прислал “доверительное письмо”, в котором говорилось, что “в Польше действительно сосредоточены крупные военные соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства”⁴⁰.

Вскоре последовал импульс недоверия и к английской политике в связи с прилетом в Англию 10 мая заместителя Гитлера по НСДАП Р. Гесса и советскими подозрениями об англо-германском сговоре. Гесс, сам управляя самолетом, приземлился на парашюте в Шотландии, недалеко от имения герцога Гамильтона, при поддержке которого рассчитывал накануне нападения Германии на СССР договориться о заключении мира между Германией и Англией. Как свидетельствуют доступные исследователям британские документы, относящиеся к миссии Гесса (часть их еще остается закрытой до 2017 г.), советские подозрения на этот раз не подтвердились. Военная угроза, нависшая над Великобританией и ее владениями была столь велика, что установление союзнических отношений с СССР рассматривалось правительством как единственно возможное объединение сил для спасения страны, отпора и разгрома Германии и ее союзников в Европе. Тем не менее Криппс предложил использовать “дело Гесса” для давления на Россию и получил в этом поддержку из Лондона. Суть давления заключалась в том, что если СССР удовлетворит ожидаемые германские требования, то вероятен англо-германский компромисс и СССР “останется один на один с Гитлером”⁴¹.

Вокруг дела Гесса возникло множество легенд, одна из них – в Англии. Британский хирург Х. Томас, который в соответствии с порядком пребывания немецких военных преступников в тюрьме Шпандау, наблюдал за состоянием Р. Гесса, на встрече с автором в 1986 г. в Лондоне утверждал, что в тюрьме Шпандау находился кто-то другой, но не Р. Гесс. Этому “двойнику” Х. Томас сделал несколько рентгеновских снимков легких, но, по его словам “остающихся на всю жизнь” следов сквозного ранения левого легкого, полученного Р. Гессом в Первую мировую войну, не обнаружил.

Но вернемся к миссии Гесса. Трезвый расчет взял верх. Парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании Р.А. Батлер на встрече 16 мая с Майским заверил советского посла в том, что “решимость правительства вести войну остается в полной силе” и “Гесс остается в Англии и будет рассматриваться как военнопленный”⁴².

³⁸ Правда, 23.VI. 1993.

³⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. 1. М., 1986, с. 442–443.

⁴⁰ Цит. по: *Лота В.* Увидеть красный свет. – Российское военное обозрение, 2008, №7, с. 46. Сведения о первоисточнике этой переписки не указаны.

⁴¹ *Woodward L.* Op. cit., p. 614, 615.

⁴² ДВП, т. 23, кн. 2, ч. 2, с. 690. Данный том содержит наиболее крупный, но далеко не полный блок документов о переговорах с Великобританией и США, которые закладывали основу не только нормализации отношений с западными демократиями, но и антигитлеровской коалиции.

Советская разведка, начиная с 12 апреля, получала свою информацию о Гессе и его визитерах. Из материалов досье “Черная Берта” следует, что сообщения советской разведки в основном подтверждали официальное заявление британского правительства и, вместе с тем, содержат ряд невыясненных до настоящего времени обстоятельств⁴³.

Особое значение советское руководство придавало отношениям с Соединенными Штатами Америки как потенциальному союзнику.

Точкой отсчета можно считать письмо И.В. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф.Д. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К.А. Уманским через госсекретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что “общими усилиями может быть восстановлен мир”⁴⁴. Направляя это послание, Сталин, без сомнения, имел в виду беседу Рузвельта с Уманским 30 июня 1939 г., которая свидетельствовала о понимании президентом США нарастающей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, его стремлении объединить усилия неагрессивных стран, включая СССР, для борьбы с агрессорами. Уманский, в частности, сообщил Молотову: “Заявление, подробности которого доложу лично, в основном следующее: положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями. Дальнейшая безнаказанная агрессия грозит экономическим, затем политическим закабалением всей нефашистской Европы. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США. Он (Рузвельт. – *О.Р.*) делает всё в пределах возможного при данном составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам агрессии. Он понимает причины нашего недоверия к нынешним правительствам Англии и Франции, сам не верит французам, особенно Бонне, но на основании сказанного ему в интимной беседе английским королем считает, что пути к дальнейшему “умиротворению” для Англии отрезаны. Шансы на то, что Польша будет драться за Данциг, по мнению Рузвельта, “два к одному” в пользу сопротивления. У англо-французов не может быть никаких сомнений в заинтересованности его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров...”

События на границе МНР, величайший воздушный бой в истории. Он не верит японским версиям, высоко оценивает нашу боеспособность. Он просит передать Сталину и Молотову, что на днях получил конфиденциальное письмо от весьма авторитетного японского деятеля, который четыре года назад был членом японского кабинета. Этот деятель предложил ему схему японо-американского сотрудничества “по эксплуатации богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала”. “Фантастично, но характерно для планов некоторых японских активистов, которые, несмотря на истощение Японии, не оставили мыслей об авантюрах в Вашем направлении”. Он придает большое значение советско-американским отношениям в нынешней обстановке, считая, что для их развития следовало бы: “Во-первых, снять раз и навсегда вопрос о долгах, во-вторых, давать доказательства американскому общественному мнению, что СССР идет по пути демократизации и тем духовно приближается к США”⁴⁵.

Война СССР с Финляндией резко обострила советско-американские отношения. США объявили “моральное эмбарго” – фактический запрет торговли с СССР, оказывали помощь Финляндии, активно поддерживали ее в международных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно негативными.

В дневнике В.М. Молотова содержится следующая запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом 1 февраля 1940 г., который, задав вопрос о пер-

⁴³ Очерки истории российской внешней разведки, т. 3. М., 1997, с. 433–440.

⁴⁴ АВРП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 320, д. 2199, л. 249–250. Полный текст послания не известен. По всей видимости, оно было оставлено без ответа, так как вскоре началась советско-финская война.

⁴⁵ ДВП, т. 22, кн. 1. М., 1992, с. 524–525.

спективах урегулирования советско-финского конфликта, продолжал: “После революции Рузвельт – единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел”. В ответ на вопрос Штейнгардта об угрозе независимости Финляндии Молотов ответил, что он не хочет представить дело так, будто советское руководство опасалось нападения одной Финляндии, но “при развертывании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны”. Он подчеркнул, что “в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий”⁴⁶. В ходе этой беседы было названо имя Ю. Паасикиви как при определенных условиях приемлемого для СССР будущего премьер-министра Финляндии, что в свою очередь косвенно указывало на готовность прекращения деятельности сформированного в Москве “народного правительства” О. Куусинена, не получившего поддержки финской общественности. Это может свидетельствовать также о том, что советское руководство рассматривало США как реального и обладающего необходимым влиянием сторонника переговоров о прекращении войны⁴⁷.

Заключение мира с Финляндией, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на европейском континенте в пользу Германии, обострение американо-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях.

В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, а по существу – переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны К. А. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В.М. Молотов и Л. Штейнгардт.

Главным камнем преткновения стала прибалтийская проблема. В Эстонии, Латвии и Литве под давлением Москвы к власти пришли промосковские правительства. В августе 1940 г. эти республики вошли в состав СССР. На их территории был создан Прибалтийский Особый военный округ. В отличие от Великобритании правительство США весьма отрицательно расценило эти события. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. “Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов пальто, – заявил на одной из встреч с советскими представителями американский посол Л. Штейнгардт, – то он ручается, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день”⁴⁸. Министр финансов Г. Моргентау информировал К.А. Уманского, что “весь вопрос о военных заказах находится в руках госдепартамента, к которому и надо адресовать требования”⁴⁹.

Л. Штейнгардт, убеждая советское руководство, что СССР своими действиями в Польше, Бессарабии и Прибалтике подорвал благожелательное к себе отношение американцев, в то же время подчеркивал, что после падения Франции произошла “коренная перемена во взглядах США на события в мире в сторону реализма, и сложившаяся обстановка благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений”. Штейнгардт указал, что США “положительно решили вопросы о вывозе 70% закупленного оборудования, фрахте американских судов для этой цели, высокооктановом бензине, продаже вагонных осей и ожидают, что СССР сделает что-либо для дальнейшего улучшения взаимоотношений”⁵⁰.

⁴⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 2, п. 24, д. 295, л. 2–6.

⁴⁷ Подробнее см.: ДВП, т. 23, кн. 1. М. 1995, с. 66–69.

⁴⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 4, д. 7361, л. 44.

⁴⁹ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 345, д. 236, л. 328.

⁵⁰ Там же, п. 320, д. 2202, л. 56–57.

СССР принял к сведению мнение правительства США о том, что Тройственный пакт, заключенный между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., усиливает опасность для стран, не участвующих в войне, и что американское правительство надеется, что, страны, не входящие в Тройственный пакт, воздержатся от вступления в какое-либо соглашение с любым его участником⁵¹. Учитывая предстоящие в начале ноября президентские выборы (Ф.Д. Рузвельт был избран на третий срок), советское руководство отказало настойчивым требованиям немецкой стороны опубликовать официальное сообщение о предстоящем визите Молотова в Берлин (11–13 ноября 1940 г.) до этих выборов и приняло неординарное по тем временам решение – сообщило в Вашингтон о своем согласии на открытие 15 декабря консульства США во Владивостоке, переговоры о котором велись по инициативе США уже длительное время. В условиях обострившихся американо-японских соглашений это был рискованный для СССР шаг в правильном направлении. “Важно отметить, – писал 5 декабря 1940 г. американскому послу в Японии госсекретарь США, – что почти одновременно с визитом (Молотова в Берлин. – *О.Р.*) советское правительство начало действовать более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов, касающихся отношений между американским и советским правительствами”⁵².

В наступившем 1941 г. советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить “моральное эмбарго”, а затем 21 января, Уэллес в беседе с Уманским (это была их 15-я встреча) сделал важное заявление: “Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь”⁵³. Такого рода заверения повторялись потом неоднократно. Был достигнут желательный для американской стороны компромисс в вопросе советско-германских торговых отношений. Позиция США, изложенная Штейнгардтом в беседе с заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским, была следующей: “США помогают Англии, СССР помогает Германии, но США и СССР являются нейтральными державами, между ними нет никаких противоречий, которые толкали бы их к конфликту. Наоборот, имеются все возможности для дружеских отношений”⁵⁴. Но в Госдепартаменте считали необходимым, чтобы СССР дал публичное заверение, что продукция, закупленная в США, не поступит в Германию. 24 февраля 1941 г. Уэллес на очередной встрече с Уманским заявил: “Не считает ли советское правительство, что в интересах развития советско-американской торговли и с целью произвести благоприятный психологический эффект в США, было бы целесообразно, чтобы Советское правительство в той или иной форме официально заявило, что товары, закупленные в США, предназначались исключительно для нужд СССР”⁵⁵.

1 марта 1941 г. госдепартамент США выпустил пресс-релиз, в котором говорилось: “В ходе продолжавшихся переговоров с заместителем государственного секретаря США Самнером Уэллесом советский посол Константин А. Уманский сделал сегодня по поручению своего правительства заявление, что товары, которые закупались и покупаются в Соединенных Штатах Союзом Советских Социалистических Республик, включая нефтепродукты и промышленное оборудование всех категорий, предназначаются исключительно для удовлетворения внутренних потребностей Союза Советских Социалистических Республик”⁵⁶. И хотя такие конфликты продолжались, их время подходило к концу. В тот же день Уэллес сделал Уманскому заявление, которому американское правительство придавало характер исключительной важности. Он сообщил, что “по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении амери-

⁵¹ Там же, д. 2202, л. 84–87.

⁵² FRUS, 1940. Washington, 1959, v. I, p. 678.

⁵³ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 345, д. 236, л. 86–87.

⁵⁴ Там же, п. 320, д. 2260, л. 149.

⁵⁵ Там же, п. 345, д. 2361, л. 215.

⁵⁶ FRUS, 1941, v. I, p. 317.

канского правительства, в аутентичности которых у американского правительства нет ни малейших сомнений, германские военные планы заключаются в том, чтобы *после достижения победы над Англией* (выделено мною. – О.Р.), несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР, причем планы этого нападения разработаны германским командованием во всех деталях”⁵⁷. Это сообщение было немедленно отправлено Уманским в Москву. По существу оно являлось дезориентирующим: Германия завершала подготовку к нападению на СССР.

История с конфиденциальными сведениями Уэллеса на этом не заканчивается. В тот же день, 1 марта, они были направлены Госдепартаментом послу США в Москве с указанием срочно в устном порядке сообщить их Молотову. Их текст заметно отличался: вместо слов “после победы над Англией” значилось “в *недалеком будущем*”⁵⁸ (выделено мною. – О.Р.) Штейнгардт выразил Хэллу сомнение в целесообразности передачи этих сведений советскому правительству, в частности на том основании, что это ускорит заключение политического соглашения СССР и Японии. Но Хэлл 4 марта ответил Штейнгардту, что эти сведения уже сообщены 1 марта Уманскому⁵⁹.

В Москве действительно ожидался приезд министра иностранных дел Японии Ё. Мацуока, и 13 апреля 1941 г. был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Вскоре после этого Штейнгардт дипломатично заявил Лозовскому: “По мнению Соединенных Штатов, японцы не имеют намерения проводить агрессию в южном направлении, и сам Мацуока заявил категорически об этом. Это было бы сумасшествием... Он, Штейнгардт, также не считает, что пакт о нейтралитете между СССР и Японией направлен против Соединенных Штатов. В действительности этот пакт является еще одним актом к сохранению мира на Тихом океане”.⁶⁰ В США понимали, что СССР остается серьезной противодействующей Японии силой на Дальнем Востоке, учитывали это в своей политике. Постепенно и в американском общественном мнении “стало меняться отношение к загадочному русскому сфинксу”.⁶¹

Позитивные результаты в ходе советско-американских переговоров этого периода давались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, отношения во многом оставались натянутыми, но тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии как против СССР, так и против США, всё же прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Рузвельту. “Он уже давно склонялся к мнению, – пишет американский историк У. Кимболл, – что политика Советского Союза носит скорее не коммунистический, а националистический характер, более прагматична, нежели идеологизирована. Вследствие этого он отклонял аргументы Буллита и прислушивался к мнению Джозефа Дэвиса, который сменил Буллита на посту посла в Москве. Нацистско-советский пакт и советское нападение на Финляндию, вызвавшие возмущение президента, были интерпретированы Белым домом как следствие скорее советских опасений германской агрессии, нежели коммунистической экспансии”⁶².

Надо сказать, что некоторые оценки Л. Штейнгардтом международного положения и политики СССР, несмотря на неприятие советского режима, помогали Рузвельту объективнее разобраться в обстановке. “Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии, – писал Штейнгардт 2 октября 1940 г. в Вашингтон, – заключалась в

⁵⁷ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 343, д. 2361, л. 243–247.

⁵⁸ FRUS, 1941, v. I, p. 712. Американская запись беседы Уэллеса с Уманским не найдена, и последнее слово в этом запутанном деле остается за историками США.

⁵⁹ Ibid., p. 714.

⁶⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 4, д. 36, л. 47–48.

⁶¹ Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. Очерки истории международных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009, с. 199.

⁶² Kimball W. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton (New Jersey), 1991, p. 30–31.

том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения такого конфликта". И далее: "Если говорить о советской политике, как я ее понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны, и, конечно, чем дальше удастся предотвратить нападение Германии и Японии, вовлеченных где бы то ни было в большие войны, тем успешнее будет собственное сопротивление"⁶³. О "тупом упорстве" Уэллеса говорил Штейнгардт на одной из бесед с советскими дипломатами⁶⁴.

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии. Однако ей не хватало гибкости. Уманский и Уэллес не нашли общего языка, не доверяли друг другу, что осложняло обстановку на переговорах. Уманский сообщал в Москву, что, по его мнению, Уэллес "тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти"⁶⁵. Но всё это имело второстепенное значение. Главное, что ко времени нападения Германии на СССР Рузвельт и Черчилль пришли к общему решению: Великобритания и США поддержат СССР в борьбе против нацистской агрессии.

Перед великим испытанием советская дипломатия и разведка добились максимума в "искусстве возможного", обеспечили достижимые в той обстановке внешнеполитические условия для отражения германской агрессии.

* * *

Возвращаясь к версии о виновности СССР во Второй мировой войне напомним, что вскоре после войны ее принялись разрабатывать при поддержке некоторых немецких парламентариев бывшие гитлеровские генералы и первое поколение историков – неонацистов (Г. Бреннеке, У. Валенди, В. Мазер, У. Хельдмах и др.)

На этот раз "единого фронта" у европейских парламентариев и историков не получилось. На Западе всегда была влиятельной группа ученых, которая сторонилась заказных официозных оценок, придерживалась самостоятельного и объективного взгляда на события. Один из таких британских авторов С. Милайн опубликовал в газете "Гардиан" 9 сентября 2009 г. статью, название которой отражает ее содержание: "Это переписывание истории отравляет атмосферу в Европе. Обвинение СССР в [развязывании] Второй мировой войны не только бессмысленно, но и воодушевляет сторонников нацистского наследия времен войны". Он пишет, что "до сих пор" ответственность за войну "возлагалась на Гитлера и нацистский режим геноцида". Но сторонники "возродившегося правого национализма в Восточной Европе и истерического ревизионизма сравнивают нацизм с коммунизмом". С. Милайн заключает: «Советский Союз внес решающий военный вклад в поражение Гитлера ценой 25 миллионов жизней, поэтому неудивительно то возмущение, с которым русские встретили подобные обвинения. Когда президент Дмитрий Медведев... назвал параллель между нацизмом и Советским Союзом "циничной ложью", он говорил не только от имени правительства, но и всей страны, за ним стояла внушительная часть остального мира».

Резолюция ОБСЕ связана с развернувшейся на Западе кампанией пересмотра оценок антигитлеровской коалиции, попыток представить ее как "ошибку истории", "противоестественный союз", отлучить нашу страну от Победы и изобразить как решающий вклад в нее западных союзников. Дискредитируются решения "Большой тройки", усилилась критика лично Рузвельта и Черчилля за "промахи" в отношениях с СССР, не говоря уже о Сталине, за которым, оказывается, стояли некие "черные

⁶³ FRUS, 1940, v. I, p. 616–617.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 4, д. 35, л. 173. В свою очередь К. Хэлл крайне отрицательно относился к Уманскому и считал, что тот "нанес большой ущерб российско-американским отношениям" (The Memoirs of C. Hull. New York, 1948, v. I, p. 743).

⁶⁵ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 345, д. 2361, л. 361. Г. Икес – министр внутренних дел США.

силы, направлявшие его злодеяния”. Бойцов Красной Армии, освободителей Европы, которых встречали цветами и со слезами радости сотни тысяч жителей многих стран, изображают захватчиками и насильниками. Включились в эту постыдную кампанию политические деятели крупного калибра. Среди них Дж. Буш, в то время президент США, выступая в Латвии, осудил “в одной корзине” мюнхенскую политику, советско-германский договор о ненападении и ялтинские соглашения⁶⁶.

Антигитлеровская коалиция была создана волей правительств и народов, осознавших необходимость объединиться в борьбе против нацистской агрессии. Ее создание по праву считается крупнейшим дипломатическим прорывом того времени⁶⁷.

В далеком 1941-м нашей стране и ее вооруженным силам предстояло главное – выдержать удар многомиллионной фашистской армии вторжения.

⁶⁶ *Rees L.* Op. cit., p. 211.

⁶⁷ *Лавров С.В.* 65-летие Победы. – Дипломатический ежегодник. 2009.